

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340

EDN: MTHHC

Научная статья / Research article

Инструменты государственной политики идентичности в современном мире

О.В. Попова , Н.В. Гришин

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

 pov_64@mail.ru

Аннотация. Изучено развитие и выявлена специфика использования инструментов государственной политики идентичности в современных условиях геополитических вызовов. Исследование вносит вклад в уточнение научных знаний о средствах решения органами государственной власти задач по конструированию идентичности. Практическая значимость исследования связана с необходимостью уточнения знаний об эффективности применения конкретных инструментов государственного управления в сфере конструирования идентичности. Выявлена дифференциация подходов отдельных государств в условиях современного геополитического противостояния. Исследование основано на применении комплексного подхода к определению содержания государственной политики идентичности. Эмпирическим источником исследования являются результаты проведенного осенью 2023 г. с участием авторов экспертного опроса ведущих отечественных исследователей в области изучения политики идентичности. В качестве метода обработки первичных данных использован дискурс-анализ. Выявлены основные тенденции развития инструментов государственной политики идентичности в условиях 2020-х гг. Наибольшая сложность в оценке инструментов государственной политики идентичности связана с проблемой измеримости поставленных задач и целей в этой сфере публичного регулирования. Для государственной политики идентичности характерны специфические комбинации традиционных типов инструментов государственной политики. Инструменты прямого регулирования применяются только в сдерживающих целях. Наибольшая роль принадлежит стимулирующим инструментам, которые, как правило, одновременно являются косвенными. Исследование позволяет уточнить знания об ограничениях и пределах эффективности деятельности государства в области конструирования государственной идентичности.

© Попова О.В., Гришин Н.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, государственная политика идентичности, государственная политика, символическая политика, конструирование идентичности, инструменты государственной политики

Благодарности: Представленное исследование проведено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научно-исследовательского проекта № 123091200068–4 «Государственная политика идентичности в условиях новых геополитических вызовов», выполненного в ИНИОН РАН.

Для цитирования: *Попова О.В., Гришин Н.В.* Инструменты государственной политики идентичности в современном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 325–340. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340>

Instruments of State Identity Policy in the Contemporary World

Olga V. Popova , Nikolay V. Grishin

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

 pov_64@mail.ru

Abstract. The article is devoted to studying the development and specifics of using instruments of state identity policy in modern conditions of geopolitical challenges. The study contributes to clarifying scientific knowledge about the means by which state authorities strive to achieve their goals in identity construction. The differentiation of approaches among particular states in the conditions of modern geopolitical confrontation has been established. The study is based on the application of a comprehensive approach to determining the content of state identity policy. The empirical source of the study is the results of an expert survey of leading domestic researchers in the field of identity politics conducted in the fall of 2023 with the participation of the authors. Discourse analysis was used as a method for processing primary data. The main trends in the development of instruments of state identity policy in the conditions of the 2020s have been identified. The study allows for the clarification of knowledge about the limitations and limits of the effectiveness of the state in the field of identity construction.

Keywords: identity, identity politics, state identity policy, public policy, symbolic politics, identity construction, public policy instruments

Acknowledgements: The reported study was funded by EISR according to the research project № 123091200068–4 “State identity policy in the context of new geopolitical challenges”, carried out at INION RAS.

For citation: Popova, O.V., & Grishin, N.V. (2024). Instruments of state identity policy in the contemporary world. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 325–340. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340>

Введение

Изучение государственной политики в сфере конструирования идентичности является одним из динамично развивающихся в отечественной науке исследовательских полей [Попова 2020; Титов 2022]. Стремительный рост внимания российских ученых к вопросам государственной политики идентичности происходит с конца 2010-х гг. [Митрошенков 2016; Малинова 2017; Лубский 2018]. В настоящее время научные знания в этой области приобретают практическое значение и оказывают влияние на содержание государственной политики [Баранов 2019; Гришин 2020].

Одним из «белых пятен» в научном изучении государственной политики идентичности является вопрос об используемых инструментах в этой сфере государственного регулирования. В некоторых отраслях государственного управления инструменты реализации политики изучены весьма детально; сформированы подходы к классифицированию и оценке отдельных инструментов государственной политики [Lascoumes, Patrick 2007]. В настоящее время неясно, в какой мере эти научные представления применимы в отношении мер управленческих воздействий в сфере конструирования идентичности граждан с собственным государством. Требуется ответить на вопрос, применимы ли в отношении государственной политики идентичности общетеоретические представления об инструментах государственной политики, а также выяснить, дает ли практика государственной деятельности в сфере конструирования идентичности основания для уточнения научных знаний об инструментах государственной политики в целом.

В данном исследовании решаются задачи уточнения научно-теоретических знаний о специфике применения инструментов государственной политики в определенной локальной сфере публичного регулирования — конструирования идентичности и выявления особенностей применения данных инструментов современными государствами. Важнейшим источником статьи стали результаты экспертного опроса, проведенного авторами статьи в рамках реализации научного проекта «Государственная политика идентичности в условиях современных геополитических вызовов» в октябре-ноябре 2023 г. Экспертами выступили ведущие отечественные исследователи в области изучения политики идентичности; объем выборки — 20 человек. Метод сбора информации при проведении экспертного опроса — нестандартизованное интервью, метод обработки полученных первичных данных — дискурс-анализ. Респондентами выступили ведущие российские исследователи политики идентичности, что позволило авторам использовать результаты данного эмпирического исследования непосредственно для уточнения теоретических вопросов в выбранной области исследования.

Теоретические рамки исследования

В научной литературе инструменты государственной политики обычно рассматриваются в более широком контексте системных мер, но иногда связываются с конкретным инструментальным подходом [Hood, Margetts 2007]. Под

инструментами государственной политики традиционно понимается широкий спектр средств воздействия государства на искомый объект для достижения поставленных целей и задач, получения требуемого результата [Вельфенс 2002: 45].

Инструменты государственной политики всегда рассматриваются неотрывно от целей и задач, которые ставит государство [Гуцалов 2023]. При рассмотрении инструментов государственной политики почти всегда учитывается принцип соразмерности, который предполагает, что применяемые государством меры должны быть адекватны поставленным задачам. В этом состоит одна из главных сложностей, поскольку в современной науке задачи государственной политики в сфере конструирования идентичности трактуются в очень широком диапазоне — от задач в области исторического образования и патриотического воспитания [Лагутин 2019; Баранов 2023] до поддержания в обществе необходимых для обеспечения интеграции единых ценностей, символов и смыслов [Горшков 2016; Горлова, Зорин 2023].

Среди существующих в науке подходов к классифицированию инструментов государственной политики некоторые могут быть применены к политике в области конструирования идентичности.

Наиболее универсальным и распространенным подходом к классифицированию инструментов государственной политики вне зависимости от сфер управленческого воздействия является разделение на прямые и косвенные. Прямые инструменты являются адресными и направленными на определенный круг объектов, а условием их применения — непосредственное участие органов государственной власти, в то время как косвенные инструменты не являются адресными и используются в отношении всего возможного спектра объектов деятельности, формируя базовые правила и среду для деятельности. В отношении различных сфер государственного управления распространен тезис о том, что косвенные инструменты являются более эффективными, чем прямые [Salamon 2002: 57]. Очевидно, что данный тезис можно распространить и на политику государства в сфере конструирования идентичности граждан, поскольку применимость административных мер в этом направлении представляется сомнительной.

В зависимости от стадии выработки и реализации государственной политики идентичности инструменты делят на стимулирующие и сдерживающие. Данная классификация также может быть использована в отношении государственной политики идентичности при определенной корректировке дефиниций. В сфере государственной политики идентичности стимулирующими следует признать инструменты, направленные на развитие и укрепление осознания населением единства, поддержание способствующих интеграции ценностей, образов и смыслов. Сдерживающими могут считаться инструменты, предназначенные для защиты исторической памяти и важнейших для поддержания единства общества ценностей, образов и смыслов от деструктивного воздействия [Авксентьев 2018]. Считается, что в рамках государственной политики идентичности целесообразно применение как стимулирующих, так и сдерживающих инструментов. В частности, В.Ю. Зорин и А.В. Рудаков отмечают, что

«политика защиты... собственной идентичности в современных условиях вряд ли может носить оборонительный характер. Напротив, эффективность этой политики может быть обусловлена наступательным ее характером» [Зорин, Рудаков 2018: 63].

В зависимости от конкретной отрасли публичного регулирования исследователи, как правило, выделяют широкий диапазон специфических инструментов государственной политики. Аналитическая работа по их систематизации почти всегда отстает от исследований отдельных конкретных инструментов, следствием чего является неоправданно широкое применение данного термина в прикладных исследованиях.

Оценка экспертами особенностей инструментов государственной политики идентичности

Говоря об инструментах формирования идентичности, эксперты обращают внимание на то, что некоторые из видов социальной идентичности формируются самим социумом, традициями и, соответственно, специального вмешательства государства в этот процесс не требуют: *«Эти инструменты связаны с историческими традициями взаимодействия в обществе. Они есть как институционально оформленные, есть неформальная практика. Это традиции, какие-то нормы, обычаи... И у каждого народа, каждой социальной группы будут совершенно свои. Они сохраняются даже вопреки тому, что у нас XXI в.»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Наглядно видно, как по-разному внутри одного государства живут и действуют разные сообщества. Например, во Франции есть сообщества, культивирующие модели идентичности тех стран, откуда они прибыли. Они живут в безусловно светском государстве, но не только сохраняют, а акцентируют свою религиозную идентичность. Сложность заключается в том, что при обсуждении инструментов формирования идентичности *«мы говорим как об исторических сообществах, так и об иноэтничных эмигрантах, которые прибывают и тоже организуют землячества, сохраняют свою идентичность благодаря тому, что поддерживают еще и связи с Родиной, со своими родственниками, перевозят родственников и друзей, организуют свои какие-то собственные центры взаимовыручки, взаимоподдержки. Это позволяет сохранять и воспроизводить нормы, формальные и неформальные практики»* (м., д-р полит. наук, профессор).

По мнению экспертов, когда государство пытается интегрировать всех в одно сообщество, оно, как правило, первоначально вводит целый комплекс запретительных мер. Например, во Франции *«была борьба с так называемыми региональными партикуляризмами, с региональными идентичностями вплоть до семидесятых — восьмидесятых годов XX в. и тогда, когда, казалось бы, уже никаких региональных особенностей не осталось, приехали эмигранты и возникла политика культурного плюрализма. Это было использовано и региональными историческими сообществами как основание для борьбы за свои права. Как писала*

одна из французских авторов, можно быть французом и арабом, но нельзя быть нормандцем и арабом. Оказалось, что региональная идентичность начала иметь какой-то особый вес, когда возник спор с какими-то другими пришлыми и эмигрантскими идентичностями, возник новый виток споров борьбы за эту идентичность историческую. Соответственно, нормандцы тогда вспомнили, что все-таки они нормандцы, что они бретонцы, когда, казалось бы, уже нет никаких особенностей и они были забыты» (м., д-р полит. наук, профессор).

На этом этапе возникает всплеск жесткой борьбы «именно за права этих идентичностей, которые проживают в этих регионах. В девяностые годы возникает практически повсеместно в Европе рост самопознания, самоидентификации, рост требований к центру, к центральной власти обеспечить права этих идентичностей» (м., д-р полит. наук, профессор). Эксперты считают, что политика культурного плюрализма не оправдала себя в отношении эмигрантского сообщества, но внесла большой вклад в самопознание, самоориентацию, самоидентификацию региональных сообществ. Создается большой объем практик, связанных с формированием в регионах институтов власти, с поддержкой региональных языков. Это связано с образовательными процессами, программами, публикацией учебников, учебных пособий. «Есть целые международные проекты, которые поддерживают этот процесс. В Европейском Союзе есть Хартия по поддержке региональных языков, есть Бюро мало употребляемых языков и так называемая программа „Евромозаика“, которая поддерживает редкие языки Европейского Союза и финансируют издания книг, учебников на этих языках. В общем сейчас политика, связанная с идентичностями, увязана в государственную политику децентрализации. Отсюда поддержка проектов, когда передаются компетенции именно историческим регионам, а они более активно себя проявляют <...> в рамках разных интеграционных проектов, когда практически могут привлекать инвестиции, формируют свои союзы, связи с регионами других государств, не только соседних; даже принимают по культурным мероприятиям делегации других государств, поэтому часто включаются в какие-то проекты на уровне самого государства» (м., д-р полит. наук, профессор).

Эксперты считают, что эти процессы заслуживают внимательного анализа, поскольку различные региональные движения могут становиться все более значимыми игроками в самой стране для практик государственного управления. Как правило, исторически воспроизводится одна модель взаимодействия центра с этими национальными регионами. Если раньше они воспринимались как возможности для сепаратистского протеста в регионах, то, как правило, центральная власть по-прежнему к ним и относится, что очень сильно влияет на результат: «Каким-то регионам, может быть, больше везет в том смысле, что они быстрее получают возможности институционализировать свои особенности, например, иметь свой парламент. Кто-то может получить национальную культурную автономию, но не удовлетворится этим и будет требовать и дальше каких-то изменений в конституционном статусе. Но центральная

власть, конечно, достаточно аккуратно к этим вопросам подходит» (м., д-р полит. наук, профессор).

Эксперты единодушны в том, что есть огромное количество инструментов государственной политики идентичности, которым органы власти и привлекаемые ими иные акторы активно используют. *«Они самые разнообразные. Это и политика памяти, символическая политика, это какая-то пропагандистская деятельность государства, это создание образа врага, образов друзей, это использование идеологем, мифов, мифотворчество. Опыт зарубежных стран в области формирования идентичности очень разнообразных существенно зависит от контекста, от того, в каких условиях это государство существует, как формируется эта идентичность. Она может формироваться двумя путями. Во-первых, сама собой, никто не ставит задачи по формированию какой-то там идентичности. Могут формироваться ценности, это происходит само собой. Во-вторых, государство заинтересовано в формировании определенных моделей идентичности» (м., д-р юрид. наук, профессор).*

Когда государство в процессе осуществления политики идентичности делегирует часть своих функций, финансовых ресурсов, символических ресурсов организациям гражданского общества, оно решает две задачи. С одной стороны, оно действительно передает часть своей ответственности тем гражданским организациям, которые более адресно, емко, конкретно и эффективно работают. Это — *«классическое дополнение институтами гражданского общества, заполнение тех лакун, которые государство не в силах выполнять в силу своей громадности и громоздкости»*. Но, с другой стороны, *«у государства есть задачи дополнительно показать, легитимировать себя: “Вот общество нас поддерживает, у нас есть другие акторы, не только государственные в этой среде”» (ж., канд. полит. наук, доцент).*

В ответах экспертов о приоритетных инструментах чаще всего звучала мысль, что в любом обществе основными инструментами формирования общей идентичности являются система образования, средства массовой информации и институты развития и воспроизводства культуры. Каждая из этих сфер берет ответственность за свою часть политики идентичности. Воспитанием гражданина занимаются, прежде всего, институты образования. Например, во Франции в средней школе есть специальный курс граждановедения; были попытки отказаться от него, но потом предмет в системе образования восстановили. Предметы истории, обществознания должны быть ориентированы на формирование гражданской идентичности, на демонстрацию исторической обусловленности единства.

Многообразие и инновационность инструментов государственной политики идентичности в оценках экспертов

Опрошенные эксперты отметили широкое многообразие применяемых в сфере конструирования идентичности инструментов и уникальность некоторых из них. Хотя декларируется, что объектом воздействия государственной

политики идентичности является все население страны, все граждане, в действительности чаще всего ставка делается на определенные возрастные группы, прежде всего на школьников и молодежь.

Часть экспертов на первый план поставила большие программы по различным направлениям госполитики в отношении молодежи, подчеркнув особую значимость проектов в области образования. *«Это, безусловно, самый главный канал, который государство реализует, оно озабочено общей идентичностью молодого поколения»* (ж., канд. полит. наук, доцент). Эксперты отмечают, что поколение в возрасте 40+ государству не интересно. *«Считается, что люди, успевшие побывать в пионерах, сами по себе уже правильные. Есть люди, которые социализировались позже, это «потерянное поколение», с ними уже ничего не сделать. И есть молодежь, с которой срочно нужно проводить мероприятия, чтобы ее не потерять. Мне кажется, это слишком упрощенческий подход. Ни на каких исследованиях этот вывод не основан»* (ж., канд. полит. наук, доцент). Система среднего образования отвечает за воспитание — от физического до морального и интеллектуального развития. В основном школа и отчасти вуз являются теми каналами, через которые государство работает с детьми и молодежью. Государство стремится к достаточно прозрачным решениям, делая ставку преимущественно на систему образования и культуры (очевидное направление — кинематограф). Существенные вложения и более сложная разветвленная система создаются по работе с исторической памятью.

Эксперт, специализирующийся на изучении КНР, отмечает, что в этой стране сформирована *«оптимальная, в какой-то степени авторитарная, но успешная система по формированию гражданской идентичности. КНР — многонациональная страна, где много народностей. И, наверное, в этих вопросах без авторитаризма на уровне государственных решений обойтись нельзя»* (ж., д-р полит. наук, профессор). Государственная политика идентичности пронизывает все сферы социальной жизни, начиная с образования, молодежной политики и семьи как института формирования ценностей. Эта система хорошо выстроена. Отдельного внимания заслуживает обсуждение роли религии в гражданской идентичности. Формально в многоконфессиональной стране роль религиозного фактора, с точки зрения формирования гражданской идентичности, прослеживается очень нечетко. Но *«если в Китае конфуцианство до сих пор сильно влияет на ценностную сферу человека, то в России такого значительного и массового воздействия религии на личность и на систему ценностей человека не прослеживается. Ну, это именно с точки зрения системности <...> эта тема очень слабо прописана»* (ж., д-р полит. наук, профессор). В Китае сильно уважение к истории страны, к исторической памяти. *«И, на самом деле, история страны, она сложная, и было много непростых событий, но эти события воспринимаются как должное и как то, что было, это часть нашей истории»* (ж., д-р полит. наук, профессор).

В России, как только событие или историческая эпоха уходят в прошлое, они становятся объектами критики. *«Критика исторического опыта страны, исторической памяти, она тоже влияет на формирование*

гражданской идентичности нашего молодого поколения» (ж., д-р полит. наук, профессор). Эксперт считает абсолютно нестандартным, неожиданным, но очень эффективным средством введение 9 ноября 2022 г. Указа Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». *«Сейчас эти вещи начинают активизироваться, они действительно выстраивают позицию государства относительно политики, в том числе гражданской идентичности человека»* (ж., д-р полит. наук, профессор).

Эксперты отмечают системную, глубокую работу с молодежью по формированию системы ценностей, выработке уважения к исторической памяти, символам государства, к важным элементам государственного политического курса: *«Мы можем увидеть, например, появление разговоров о важном, традиции поднятия флага и гимн в понедельник утром в каждой школе, каждом ВУЗе нашей страны. Но как это доносится, каким образом это организовывается, как выстраивается восприятие молодежью? Это уже отдельный момент, который нужно формировать, на который нужно обращать внимание... Это требует серьезной работы»* (ж., д-р полит. наук, профессор).

Различие подходов экспертов к набору инструментов осуществления государственной политики идентичности затрагивает взаимоотношения институтов власти с другими политическими и неполитическими акторами, которым органы государственной власти делегируют часть задач по формированию моделей политической идентичности и политизированных вариантов социальной идентичности с желательными для конкретного политического режима параметрами. Эксперты говорят о роли военной службы как инструмента государственной политики идентичности. Конфессии и НКО, связанные с определенными этническими группами или конфессиями, оцениваются в качестве исключительно важных институтов. Специально оговаривается роль публичных, общественных институтов-медиаторов. *«Это, бесспорно, воинская служба, это конфессии, инструменты публичной политики. Ну, например, взаимодействие государственной власти с общественными палатами или с этническими и конфессиональными НКО. Разного рода совещательные советы, консультативные структуры <...>. институты-посредники, институты-медиаторы <...> чем больше демократизма, тем более сложная система этих инструментов. И они носят не столько государственный, сколько общественный характер»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Среди инструментов выделяются традиционные, казалось бы, институты, которые, как следует из классической теории политической социализации, работают на формирование норм, ценностей, представлений и политических предпочтений людей. Однако эксперты акцентируют внимание на том, что система образования должна функционировать на всех уровнях и для всех возрастных категорий, включая практики гражданского образования. *«Начиная с того, что является институтами и инструментами государственной политики*

идентичности, то это, конечно, система образования на всех ее уровнях, начиная от дошкольной и заканчивая образованием взрослых, так называемым гражданским» (м., д-р полит. наук, профессор).

При разнообразном арсенале инструментов осуществления государственной политики идентичности в настоящее время она *«проводится за счет информационного блока, который есть у каждого национального государства, который есть у территорий, которые претендуют на название хотя бы непризнанного государства. В том числе все неудавшиеся государства тоже пытаются это использовать, потому что если ты сегодня вне СМИ и информационных потоков, ты свою точку зрения просто не показываешь, не доказываешь, да и можно сказать даже радикально — она не существует»* (м., д-р полит. наук, профессор). Эксперты убеждены, что восприятие СМИ — от традиционных к онлайн-сервисам — в данном случае оказывается перевернутым, гораздо большее влияние на формирование государственной и гражданской идентичности или на их деформацию оказывают *«социальные сети, мессенджеры, затем сайты, новостные порталы какие-то и только в последнюю очередь традиционные СМИ в виде газет или там теле- и радиоканалов»* (м., д-р полит. наук, профессор).

На второе место по значимости, после образования или информационной политики, эксперты ставят символическую политику. Интересные кейсы проявляются в связи с изменением самоназвания государства. Эксперты обращают внимание на попытку переименования, точнее, изменение самоназвания Индии на Бхарат. *«Будет ли понимание в мире? Думаю, рано или поздно мы к этому придем, но для этого надо активно переделывать школьные учебники, карты на различных языках, в том числе в России. Для нас это будет непривычно, но точка зрения индийского правительства, индийской элиты правомерна; давайте будем называться по-другому, тем самым мы закроем определенную страницу нашей истории. Символизм — это очень важная вещь»* (м., д-р полит. наук, профессор).

В языковой политике приветствуются практики полилингвизма, т.е. закрепление равноправия различных языков (статус нескольких государственных языков или обеспечение справедливого равенства статуса региональных и локальных языков) на основе соответствующего международного права, в том числе и закрепленные по этому поводу нормы Конституции, выполняющие важную роли культурной интеграции различных этнических групп. В основном эта функция осуществляется через систему представительства в неправительственных организациях. В качестве примера можно привести позитивный опыт Финляндии, в которой при достаточно моноэтническом финском составе населения шведское меньшинство проживает в городе Турку и его окрестностях, в районе Хельсинки, Аландских островов. Статус Аландских островов закреплен законодательно, в том числе в международном праве, как статус демилитаризованной зоны и как местности, где используется в равной мере и шведский, и финский язык, хотя шведы и составляют очень скромный процент населения. Есть положительная

практика Финляндии, Норвегии и Швеции в отношении саамов (старое название — лапландцы). Положительный опыт Дании основан на широкой автономии Фарерских островов и Гренландии; проводимая политика вызывает неприятие только у узкой группы этнических активистов. *«Да, там тоже есть неправительственные организации, есть представительство, консультативное, консультативное при парламентах и при земельных представительных структурах»* (м., д-р полит. наук, профессор). Эксперты отмечают, что в ряде восточноевропейских стран, например в Чехии и Венгрии, политика интеграции этнических меньшинств при сохранении их самобытности осуществляется достаточно эффективно. Однако в тех государствах, у которых небольшой опыт самостоятельного существования, *«меньше традиция национального государства, там, где оно было не достроено или создано с принуждением, с большими авторитарными практиками или где есть компактно проживающие меньшинства, там, конечно, проблем гораздо больше. Это Болгария, Румыния, Босния и Герцеговина, Сербия, Северная Македония, не говоря уже об Албании»* (м., д-р полит. наук, профессор).

По мнению экспертов, *«секулярная стратегия политики идентичности ... в современных условиях более предпочтительна. Если какая-то страна интегрирует население на конфессиональной основе, то надо быть готовым к тому, что возникнет какой-то альтернативный проект или он будет политизироваться. Вот как ситуация в Турции; обращение к нормам, ценностям ислама, может быть, само по себе это положительное явление, но моментально вызвало «аллергическую реакцию» со стороны секулярных социал-демократических, либеральных партий. И там этот конфликт четко выражен»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Эксперты отмечают, что эффекты использования инструментов политики идентичности в разных странах контрастны. Часто применяемая политика положительной дискриминации, политика предоставления квот для мигрантов, представителей автохтонных, коренных меньшинств, тем более если это связано с территориальным огораживанием, выделением ареала, где эти общности имеют какие-то особые права, может быть опасной и сказываться негативно в тех странах, где, казалось бы, меньшинства не очень значительны численно и у них мало экономических ресурсов. *«В той же Новой Зеландии, в Канаде звучат голоса, что этническое большинство должно каяться за колониализм, за века угнетения, но я не считаю это продуктивным»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Во многих государствах в дискурсе политико-административной и публичной политической элиты декларируется встроенность государственной политики идентичности в другие направления политики, например в политику развития. *«Малые страны, богатые страны Запада, такие как Новая Зеландия, Шотландия, которая тоже является страной, они формируют политику развития, в которую включают формирование идентичности. Многие не называют политику идентичности сугубо политикой, но она всё равно присутствует»* (ж., д-р полит. наук, профессор).

Объективно цели государственной политики идентичности для органов власти и общества различаются. Для человека наибольшее значение имеет проявление государства как социального, реализация социальных программ. *«Вот, если человек ощущает себя стоящим двумя ногами и смотрящим в будущее, вот это и есть критерий»* (м., д-р полит. наук, профессор); *«А благополучие самого человека... Его нет. Потому что речь идет о самоощущении. Критерием является самоощущение гражданина в обществе»* (ж., д-р полит. наук, профессор). В то же время для политической элиты основной целью является обеспечение политической и социальной стабильности. *«Стабильность, преемственность. Устойчивый порядок»* (м., д-р полит. наук, профессор); *«устойчивость для элиты важна как показатель ее эффективности»* (ж., канд. полит. наук, доцент); *«констелляция интересов групп... Они [политико-административная элита] хотят стабильности»* (м., д-р полит. наук, профессор). Именно в связи с этим представлением эксперты говорили о необходимости ускоренного экономического и социального развития страны как синхронизации усилий с получением синергетического эффекта. *«Экономика, и образование — вот вещи, на которые надо делать сейчас ставку, надо объединить... ну вообще государство объединить через образование и через вот какие-то экономические вещи»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Спорт на международной арене как представительство сильной страны — это очень сильный аргумент в формировании ощущения уважения к «своему» государству. *«Ну, возможно, мы могли бы говорить за спорт, к примеру. Но со спортом сами знаете, какая сейчас ситуация»* (ж., канд. полит. наук, доцент).

Символическая политика, как сильнейший инструмент государственной политики идентичности, имеет много направлений. Приоритетными, по мнению экспертов, являются топонимика, политика установки/сноса памятников, музейная политика (*«Музеи... Вопрос, как туда привести людей? Музеи прекрасные, здания великолепные, экспонаты редчайшие, люди, которые там работают, это профессионалы с высшим образованием, с большим опытом работы. Ну всё хорошо. Где люди? <...> не все жители республики и города были в Национальном музее»* (ж., канд. полит. наук, доцент)), патриотическое художественное и документальное кино (*«Кино и вообще телевидение. Герой нашего времени — кто он? Открываем какой-нибудь телевизионный канал, что мы видим? ... герои, понятно, вокруг которых формируются все эти ток-шоу ... главное, людям это интересно, вот там аудитория...»* (м., д-р полит. наук, профессор), *«Кино — это очень мощный инструмент... люди все равно продолжают ходить в кино, они хотят кино»* (ж., д-р полит. наук, профессор)).

Исключительно важным инструментом является внутренний туризм как возможность узнать и полюбить свою страну: *«Если вы пройдете по любому маршруту в Адыгее, в горах <...> маршруты сделаны таким образом, что ты гордишься за страну»* (ж., канд. полит. наук, доцент); *«Интерес появляется*

к изучению региона <...> ты приезжаешь ... и говоришь: “Ну, как дома...”» (ж., канд. полит. наук, доцент).

Эксперты отмечают, что набор инструментов государственной политики идентичности зависит во многом от направленности конструируемой модели. Как все идеальные типы при попытке классификации, негативная модель и позитивная модель на платформе развития социальных программ не исчерпывают всех вариантов возможных случаев, однако дают определенные ориентиры для понимания политической ситуации. Негативная модель апеллирует к культуре отмены, войнам памяти, культурной войне. *«Вот эти негативные категории, которые отвечают задачам некоторых государств по негативной мобилизации, но не отвечают общественному запросу на развитие. Я вижу здесь серьезные противоречия»* (ж., д-р полит. наук, профессор).

Использование позитивной модели, основанной на развитии социальных программ, позволяет гражданам испытывать чувство признательности к своим государствам за качество жизни (*«У богатых стран... был такой настрой на формирование модели общества и особенно экономики благополучия — «well-being economy». Не «welfare», а «well-being»*) (м., д-р полит. наук, профессор)) и возможности постоянного развития (*«Речь пойдет не только о социальной поддержке, но о создании благоприятной среды для развития, формирования идентичности. Это во многих программах присутствует. Есть такая платформа пяти богатых стран, к которым относятся Финляндия, Исландия, Уэльс, Шотландия, Новая Зеландия... Это малые экономики. Но они хотят быть лидерами дискуссии. Хотели! Это происходило до переломных событий»*) (ж., д-р полит. наук, профессор)), шанс проживания в хороших экологических условиях, поскольку государство заботится об этом и часть прибыли направляется через социальные программы на устранение экологических рисков (*«Социальная повестка интегрируется в климатическую»*) (м., доктор полит. наук, профессор)), сохранение национально-культурных традиций этнических групп (*«Очень популярным был мультикультурализм. Сейчас он непопулярен, но идеи интеграции и необходимости выстраивания взаимодействия в новых культурных обществах остаются. Интеркультурализм тоже не совсем новый, ему лет 10... Пытаются найти какие-то иные пути и модели»*) (ж., канд. полит. наук, доцент)).

Кроме того, эксперты упоминают о влиянии дискурса, выстраивании определенной стратегии коммуникации публичных политиков с населением по вопросам образа будущего государства. *«Это то, что в современном дискурсе называется „дискурсивная сила“. Использование дискурсивной силы является важнейшей характеристикой политики идентичности сегодня»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Результаты проведенного экспертного опроса позволяют выявить некоторые значимые аспекты в понимании отечественными учеными инструментов государственной политики идентичности.

1. Эксперты подчеркивают доминирование типичного для государств «полупериферии» и «периферии» обращения к событиям прошлого, отсутствие внятного позитивного/конструктивного образа будущего государства, обязательности ставки на противостояние «Другому». *«То же касается... прибалтийских стран. На их примере очень легко говорить о том, что идентичность формируется в противостоянии, потому что они — европейская периферия. А формирование позитивной повестки — это следующий этап»* (м., д-р полит. наук, профессор).
2. Они обращают внимание на апеллирование к очевидным простейшим показателям, связанным с преодолением значительной частью населения уровня бедности. *«Если мы говорим об отсутствии позитивного образа, то это характерно для значительной части мира. Китайцы сформировали (или, по крайней мере, говорят о том, что они сформировали) такой позитивный образ. Но, по большей части, он присутствует за счет того, что они совершенно четко заявили о преодолении бедности. И вот этот этап, преодоление бедности, это та планка, по которой отсчитывается, скажем... даже не формирование позитивной идентичности, оно раньше было, а объединение общества вокруг этой повестки»* (м., д-р полит. наук, профессор); *«...особенно уровня развития территории. Положительный вектор в сторону снижения уровня неравенства. Не преодоления неравенства. Никто не думает, что оно вообще будет преодолено когда-то. Все знают, что это двигатель развития <...> Полного преодоления неравенства не будет, а вот движение в сторону снижения уровня неравенства или хотя бы доведение его, допустим, до социально допустимого уровня — это другой вопрос. Это главнейшая составляющая — позитивное движение в сторону максимально возможного преодоления неравенства»* (ж., д-р полит. наук, профессор).
3. Значимыми в современных условиях представляются гуманитарные ценности: *«Есть общие ориентиры, они связаны с просвещением и образованием, с внедрением гуманитарных ценностей...»* (ж., д-р полит. наук, профессор).
4. Декларация вовлечения населения в формирование «территорий социального благополучия» на локальном уровне: *«Есть модель экономики благополучия, общества благополучия, в котором государство не играет решающей роли. Там смысл такой, что на всех уровнях население вовлекается. Финны апробировали эту модель на местном уровне с помощью консультаций всякого рода»* (ж., д-р полит. наук, профессор).
5. Возможность использования «повестки сближения» на определенный срок: *«Есть позитивная динамика в отношении сближения регионов — это очень важная составляющая позитивно ориентированной политики идентичности»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Заключение

Усиление государственного управленческого воздействия на сферу конструирования идентичности отвечает современным фундаментальным тенденциям к расширению функций и сфер государственного управления [Гришин 2019: 69]. В рамках этой общей тенденции государства осваивают новые инструменты управленческого воздействия, что приводит к появлению инноваций, но также является нелинейным процессом. Использование отдельных инструментов для задач по конструированию идентичности может оказаться неэффективным и приводить к пересмотру и совершенствованию управленческих практик [Попова 2019]. Очевидно, что наибольшая сложность в оценке инструментов государственной политики идентичности связана с проблемой измеримости поставленных задач и целей в этой сфере публичного регулирования.

Для государственной политики идентичности характерны специфические комбинации традиционных типов инструментов государственной политики. Инструменты прямого регулирования применяются только в сдерживающих целях. Наибольшую роль играют стимулирующие инструменты, которые, как правило, одновременно являются косвенными.

Для государственной политики идентичности характерна исключительно сложная комбинационность применяемых инструментов. Эксперты подчеркивают, что практически каждое государство применяет специфический и весьма широкий арсенал инструментов в сфере конструирования идентичности. Для исследователей данное обстоятельство затрудняет возможности корректной оценки эффективности каждого конкретного инструмента государственного воздействия.

Поступила в редакцию / Received: 21.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 12.12.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Авксентьев В.А.* Деконструкция российской идентичности в новостных анонсах электронных СМИ // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 37–43. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-96-4-37-43>
- Баранов А.В.* Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности // Управленческое консультирование. 2023. № 1 (169). С. 10–23.
- Баранов Н.А.* Крымский фактор в формировании общероссийской гражданской идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3. С. 59–65. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-60-3-059-065>
- Вельфенс П.* Основы экономической политики. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002.
- Горлова И.И., Зорин А.И.* Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. С. 5–9.
- Горшков М.К.* Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 11–25.

- Гришин Н.В.* Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 231–239. <https://doi.org/10.17223/1998863X/55/23>
- Гришин Н.В.* Государство как субъект политики формирования идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. 3. С. 66–72. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-60-3-066-072>
- Гуцалов А.А.* Объективные показатели успешности политики национальной идентичности // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей / отв. ред. И.И. Горлова. Москва: Институт Наследия, 2023. С. 265–283.
- Зорин В.Ю., Рудаков А.В.* Политика идентичности как фактор обеспечения суверенитета в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 3. С. 55–70.
- Лагутин О.В.* Принципы государственной политики формирования идентичности в современной России // Конфликтология. 2019. № 3. С. 44–55.
- Лубский А.В.* Проекты конструирования национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 1. С. 48–64.
- Малинова О.Ю.* Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 5. М.: РАН ИНИОН, 2017. С. 7–20.
- Митрошенков О.А.* Идентичность: от теоретического концепта к управленческим воздействиям // Власть. 2016. Том 24. № 2. С. 14–28.
- Попова О.В.* Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 74–91. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>
- Попова О.В.* О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
- Титов В.В.* Государственная политика идентичности в Российской Федерации: проблема институциональной организации // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 7 (83). С. 2261–2268.
- Hood C., Margetts H.* *The Tools of Government in the Digital Age*. Basingstoke: Palgrave, 2007.
- Lascoumes P., Patrick G.* Introduction: Understanding Public Policy through Its Instruments // Governance. 2007. Vol. 20. Is. 1. P. 1–27. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2007.00342.x>.
- Salomon L.* *The Tools of Government: A Guide to the New Governance*. New York: Oxford University Press, 2002.

Сведения об авторах:

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: pov_64@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0701-7767)

Гришин Николай Владимирович — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: nvgrishin@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0850-7581)